

БОДАЛСЯ НЕРУДА С ПОЛИТИЗДАТОМ

Книгоиздательский эпизод из недавнего прошлого

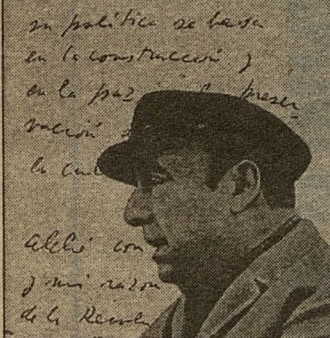
Людмила Синянская

Воспоминания Пабло Неруды.
— Москва: Политиздат, 1978.

ПАБЛО НЕРУДА

ПРИЗНАЮСЬ: Я ЖИЛ
Воспоминания

«...Иногда, что мне кажется, что я никогда не встречался с ним, только в книгах и в воспоминаниях друзей. Иногда, когда я думаю о нем, я думаю о том, что он был таким же, как и мы, только с другой судьбой».

ПОСЛЕДНИЙ приезд Неруды в Москву был грустным. Он был уже очень болен, рак, и приехал на обследование в Кремлевскую больницу. Приезд в СССР в 1972 году такого большого писателя, лауреата Нобелевской премии, был событием редким и лестным. Его поселили в гостинице «Националь», в номере с балконом, выходившим прямо на Манежную площадь, на Кремль, но ночевал он там всего две или три ночи, остальное время провел в Кунцевской больнице на мучительных обследованиях. Улетал он 9 мая, в День Победы, улетал грустный, провожали его всего несколько человек, впрочем, самых близких его друзей — Ильи Эренбурга, Овадия Савича — уже не было на свете. На прощание он подписал нам свои книги, которые мы принесли с собой, крупным размашистым почерком, зелеными чернилами, какими писал все — и стихи, и дарственные надписи на книгах, рисуя рядом цветочек или рыбу, и автографы, и доверенность на получение денег в Гослитиздате. И улетел. Ему оставалось жить чуть более года.

После его смерти — он умер через пять дней после пиночетовского переворота в Чили — его дом, гостеприимно открытый для друзей и коллег всего мира, был разграблен. И прах нашел свое упокоение там, где хотел поэт, только годы спустя. Его вдова Матильда собрала писавшуюся на протяжении многих лет книгу воспоминаний Неруды, закончила ее, кажется, с помощью венесуэльского писателя и друга Неруды — Мигеля Отеро Сильвы и издала под названием «Confieso que he vivido» («Признаюсь, что я жил»). В Москву она привезла рукопись еще не изданной книги, так что на русском языке книга должна была появиться с небольшим отрывом от издания на испанском.

Издавать ее взялась «Художественная литература». Однако не успели переводчики (переводили мы с Брагинской, я — первую половину, она — вторую) начать работу, как нам позвонили из Политиздата и сообщили, что книгу будут издавать они, с «Художественной литературой» все договорено, осталось лишь переводчикам подписать договор. Я попыталась отговорить заведующего редакцией от опрометчивого шага. Сказала что-то вроде того, что, мол, книга эта не ваша, в вашем издательстве и слов-то таких не знают; какие там встречаются, и речь-то, особенно в первой половине, главным образом про любовь, и, мол, лучше вам с этим не связываться. Но редактор твердо ответил, что когда дело касается такого важного партийного задания, то тут не до слов и никакая любовь не преграда.

Неприятности начались с первой же страницы — описания чилийского леса. Редакция сразу же

усомнилась в истинности многих высказываний автора, например: «Этот мир раскинулся ввысь — по вертикали: птичьи народы, континенты, листы...» Почему птичьи народы, а не стаи, какие-то континенты? И так далее — на протяжении сотен страниц. Разумеется, все, что касалось «ненормативных» отношений Неруды с женщинами, вызвало у Политиздата особые сомнения. Но эти сомнения в конце концов были разрешены. Главные трудности выпадали на долю второй половины, где Неруда вспоминает свои приезды в СССР и на Кубу. Предвидя трудную судьбу этого издания, я попросила Константина Михайловича Симонова, непрекаемого авторитета для Политиздата, написать предисловие к книге. «Хорошо бы написать так, чтобы они с предисловием заглохли и книгу. В конце концов, — успокоила я его как могла, — предисловий никто не читает».

Необходимо сказать, что жанр предисловия в те времена к литературе часто имел отношение вполне косвенное. Когда теперь пишут, что предисловие, скажем, к Пастернаку «читать омерзительно», то пишут это люди, совершенно не представляющие или за чем-то забывшие, каких усилий, иногда многолетних, стоило «пробить» издание того или иного автора. И что многие писатели могли быть изданы лишь «под конвоем» подобных предисловий, которые на самом деле были пропуском к читателю. Умнейший и образованнейший человек Борис Сучков, возглавлявший в те годы Институт мировой литературы, много труда и лет положил на то, чтобы был издан Кафка, принеся самого себя в жертву предисловию, которое теперь, возможно, вызывает странное ощущение.

Трудно издавались писатели, уже отошедшие в мир иной, а уж о живых — и говорить нечего: они то и дело совершали какие-то поступки или «допускали высказывания», никак не соответствовавшие «требованиям партии». Десятилетия, например, не могли издать у нас Хорхе Луиса Борхеса: старый, слепой, заключивший себя в стенах библиотеки писатель то, бывало, скажет «что-то не то»; то примет медаль из рук Пиночета. На заседании общественного редсовета в издательстве «Радуга» один почтенный латиноамериканист с жаром отстаивал издание Борхеса и, исчерпав все аргументы, сказал: «Будем надеяться, в этом году он умрет, и мы наконец-то сможем его издать...»

Словом, книгу Неруды необходимо было защитить предисловием. Симонов написал предисловие, которое теперь, может быть, кому-то и будет «омерзительно читать», потому что он сделал акцент на том, что Пабло Неруда был коммунистом и борцом. Однако это чистая правда: Пабло Неруда был и оставался до последней минуты своей жизни коммунистом, борцом и великим поэтом Латинской Америки. Симонов не просто написал предисловие, но взял на себя и вытекавшие из этого заботы. Потому что осложнения начались, едва начальство Политиздата ознакомилось с текстом книги. (Кстати, предвидя осложнения, я не стала брать полагавшегося по договору аванса, понимая, что, когда деньги получены и съедены, возражать тому, кто эти деньги тебе заплатил, гораздо труднее.)

Через некоторое время позвонил заведующий редакцией и ликующим тоном сообщил, что книга подписана к печати, надо только чуть-чуть почитать от лишнего, выбросить пару абзацев, книге это не повредит, наоборот, она станет яснее... Я, разумеется, спросила, что они считают в этой книге лишним. Оказывается, всю главу о Кубе, где Неруда рассказывает, как его пытались заставить подписать

Пабло Неруда.

письмо против Эрберто Падильи, кубинского поэта-диссидента, затем — рассказ об Эренбурге, который из страха прятал и не печатал одно свое любимое стихотворение, а также упоминание о Лице Брик, которая, желая защититься от травли Маяковского, написала письмо Сталину. Что касается письма против Падильи, логика партийного начальства была совершенно ясна. Как раз в это время в Союзе широкий размах получила эпистолярная кампания против Солженицына. Подписывали люди, находившиеся, казалось бы, в силе, именитые и считавшиеся Солженицына большим писателем: Товстоногов, Айтматов, Симонов.

Симонов, кстати говоря, рассказал мне такую историю. Он ехал на юг поездом. На какой-то небольшой станции поезд остановился, и Симонов прогуливался по перрону. Не успел он удивиться, что поезд стоит слишком долго, как увидел начальника поезда. Тот бежал вдоль состава, как будто кого-то отыскивая. Оказавшись, он искал Симонова и сообщил ему, что только что принял радиограмму с приказанием получить подпись Симонова под письмом против Солженицына. «Пока вы не подпишете, мы не сможем двинуться дальше», — сказал мне начальник поезда. — И я подписал. Я пересказываю лишь то, что слышала от самого Симонова...

Хорошо известно, что все, подписывавшие подобные письма, бывали вознаграждены если и не пре-

миями, лауреатством, житейскими благами, расширением рамок творческой несвободы, то уж, во всяком случае, не преследованием. Я не хочу никого оправдывать, но и камень ни в кого бросить не могу. Я жила в то время и, хотя не подписывала никаких писем, тем не менее, давно поняв что к чему, на Красную площадь после оккупации Чехословакии не вышла, голодовка протеста не объявляла, а значит, сама того не желая, тоже подписывалась под тем, что происходило.

В отношении Неруды Симонов проявил стойкость. Он пообещал свою полную поддержку. Я отправилась в Политиздат. С заведующим редакцией разговор был короткий: он повторил свои требования, я отказалась подписать корректуру. Тогда меня вызвали к директору издательства. Симонов, человек искренний и многоопытный, сразу понял, что за разговор предстоит, и попросил юриста Марка Александровича Келлермана пойти вместе со мною. Директор начал с увещаний, убеждая взять аванс, и некоторое время соблюдал политес. Но, увидев, что это не дает результата, заговорил по-простому: «Что это вы нам антисоветчину протаскиваете? У нас эти штучки не пройдут». Тут вступил Марк Александрович и мягко, но твердо попросил вести разговор корректно. К соглашению мы не пришли.

На следующий день Симонов из больницы, где он находился,

дал в Политиздат телеграмму с требованием снять его предисловие, если в книге будут сделаны эти сокращения. Через некоторое время ушедший, по-видимому, на консультации «наверху» (Политиздат был издательством ЦК КПСС) заведующий сообщил, что книга идет без сокращений. (Что оказалось не совсем верно, поскольку глава о Кубе все-таки частично была сокращена.)

Книга воспоминаний Неруды вышла, быстро разошлась, принесла издательству прибыль, что бывало не так уж часто с его продукцией, и через несколько лет была переиздана еще раз, несмотря на то, что «наверху» остались крайне недовольны. Как рассказывала мне редактор, Воронцов, помощник Суслова, позвонил в издательство и порицал их за то, что в книге «искажен славный образ коммуниста». По-видимому, упрек относился не только к издательству, но и к самому автору. Но автор уже принадлежал вечности и об этой устной рецензии не узнал.

Жаль, что нельзя рассказать ему и о том, как однажды, году в 80-м, сядя на стоянке в такси, я увидела в руках шофера знакомый переплет — «Признаюсь: я жил». Я спросила, как он сделал свой читательский выбор.

— Да вот, посоветовали, купил.

— Ну и как?

— Лихой мужик.

Уверена, что Пабло Неруда, друг портовых грузчиков, сумел бы оценить эту короткую рецензию.

Воспоминания Пабло Неруды

01.10.98